

Особенности ольфакторной коммуникации в якутском художественном тексте

Научная новизна: впервые в качестве постановки научной проблемы предпринимается попытка целостного исследования ольфакторной образности в якутских текстах (на примере фольклорных, этнографических материалов, а также поэтических текстов А.А. Иванова–Кюндэ и Г.В. Баишева–Алтан Сарына).

Целью работы является изучение специфики ольфакторной коммуникативной образности в якутских текстах.

В круг *задач* исследования входит выявление специфики культурного феномена запаха в якутских текстах, определение функций запаха в ментальном ландшафте саха, а также раскрытие особенностей ольфакторной поэтики на примере произведений А.А. Иванова–Кюндэ и Г.В. Баишева–Алтан Сарына.

Методы исследования: сравнительный, культурно-исторический, системный.

Результаты. Интерес исследователя направлен прежде всего на практику окультуривания запаха, которое рассматривается в качестве одного из основных способов личностной идентификации, закрепления статуса человека в пространстве. Автор статьи убежден, что запах используется в качестве существенных приемов в выстраивании границ мира – а именно в разделении пространства на «свое» и «чужое». Особое внимание уделяется поэтике запахов, представленной ольфакторными включениями в поэзии первого якутского поэта А.А. Иванова–Кюндэ, в лирике которого отражается специфика национальной картины мира, в том числе место и роль запаха в аласном тексте.

Ключевые слова: телесность, ольфакция, картина мира, запах, идентификация, якутский текст

I. Введение. Рецепция окружающего мира, осуществляемая через запахи, шумы, звуки, цвета неповторимого ландшафта родного пространства, создает специфический характер когнитивной коммуникации в национальной картине мира. Как один из главных информантов в пространстве запах играет важную роль в идентификации, определении культурных границ мира северного человека.

Исследование ольфакторной (от лат. *olfaction* – обоняние) коммуникации в пределах данной статьи продиктовано проблемой поэтики запаха, вызывающей в последнее время большой интерес в современной российской науке, что отражается в трудах языковедов Е.В. Свинцицкой, О.С. Жарковой, Л.О. Овчинниковой, Л.В. Лаенко, А.В. Дроботун, Н.С. Павловой, Д.Н. Галлерт и др., литературоведов Н.А. Рогачевой, Н.Л. Зыховской, Л.В. Карасева, А.А. Бельской и др. Социокультурным аспектам ольфактория посвящены работы Е.Г. Басалаевой,

Л.А. Баташевой, И.И. Валуйцевой, И.П. Джальмамбетовой и др., культурологические аспекты ольфакторной самопрезентации отражены Г.И. Кабаковой, Е.Ю. Клещевой, Д.П. Матвеевой, А.С. Медяковым, Л.Г. Сидорчуковой и др.

Интерес к феномену запаха в литературе появился относительно недавно. Элементы художественного текста, содержащие отсылки к ольфакции, достаточно подробно описаны в контексте исследований русской прозы и поэзии в работах Н.А. Рогачевой, Н.Л. Зыховской и др. Термин «ольфакторий» Н.Л. Зыховская трактует как «обозначение совокупности всех элементов текста, содержащих отсылки к миру запахов, их качества, особенностей восприятия, а также символического поля, образуемого с их помощью либо вокруг них» [Зыховская, 2016: 68]. Опираясь на некоторые методологические принципы, разработанные ученым в отношении ольфактория русской словесности, нам представляется важным выявить специфику якут-

ского ольфактория, который становится одним из основополагающих аспектов в национальном миромоделировании.

Понятие запаха (по якутски ‘сыт-сымар’) на физиологическом уровне глубоко связано с мировосприятием человека саха, который считает себя неотъемлемой частью природы. Запах связывает якута с глубинными животными инстинктами, животным миром, где нюх имеет исключительное значение как в метке территории, создании своей зоны безопасности, так и в поиске партнера и спаривании. Обнюхивание (‘сыллаһы’ = ‘сыттаһы’) вместо поцелуя (‘уостан уураһы’) как важный атрибут в личностных отношениях, интимной сфере и знак доброжелательного отношения к человеку в тюрко-монгольской культуре, отмеченное многими исследователями, может быть определено глубинной связью человека с природой.

Нужно отметить, что в первую очередь маркеры чувственного восприятия обусловлены спецификой жизнедеятельности народа, его ареалом проживания. Человек саха, переживший долгий зимний период с октября по март, особо остро ощущает на уровне чувственных восприятий (слуховых, ольфакторных, цветовых ассоциаций) окружающую природу, внутреннюю подвижность растительного покрова, всей живности – запахи, цвета, тона, полутона, звуки, шорохи, шумы земли. Если учитывать, что зимний период характеризовался почти полным отсутствием запаха, весенне-летняя пора открывает северному человеку широкий мир запахов.

Одориристическая картина якутского мира в основном представлена несколькими уровнями:

- ольфакции животного-природного пространства (запахи воды, почвы, растительности, животных, птиц и др.);
- запахи культурно-бытового мира (запахи еды, камелька, табака, ладана и др.);
- физиологические ольфакции (запах человеческого тела, пота, испражнений, рта и др.);
- запахи ирреальной сферы (запахи злых духов).

II. Материалы и методы исследования.

Система культурной ольфакции наиболее ярко отражается в материале фольклорных, этнографических источников, литературе, и потому в рамках данного исследования вполне обоснованно обращение к текстам якутских преданий,

сказок, этнографических описаний и литературных произведений. Наиболее любопытный и продуктивный результат дало сочетание методик анализа нескольких смежных наук (фольклористики, этнографии, литературоведения и т.д.), в процессе чего собрана и систематизирована литература, предложены разные уровни ольфактория якутского мира. В описании текстов произведений первых якутских поэтов, творивших в 20–40-е гг. XX столетия, А.И. Софронова–Алампа, А.А. Иванова–Кюндэ, Г.В. Баишева–Алтан Сарына, применен сравнительно-сопоставительный метод. В результате анализа большого материала с использованием преимущественно системного, сравнительного и статистического методов выявлены основные одориристические образы якутского туюлбэ и аласа, определены традиции окультуривания запаха в якутском быте, обрядах и ритуалах.

III. Результаты

Специфика культа запаха в якутских фольклорных и этнографических источниках

Окультуривание запаха в якутской национальной картине имеет немаловажное значение как определенный знак присутствия человека в пространстве. Стоит согласиться с М.А. Епанешниковой, которая в статье «Рецепция запаха и его природно-культурный смысл» отмечает, что «вся история человечества – это процесс “окультуривания” запаха» [Епанешникова, 2010: 101].

Особая роль запаха в качестве характерного признака особенности среды и примеры его окультуривания, усиливающего восприятие границ мира и личностную идентификацию, довольно ярко отражаются в предании о первом предке народа саха Омоего и Элляе. В фольклорном тексте говорится, что Омоего, странствующего по свету, привлек в первую очередь приятный теплый запах. Он в поисках лучших земель «поднялся на западную сопку, стал принюхиваться, поворачиваясь то к северу, то к югу. Так, улавливая сверху приятное дуновение и запах растений теплого края» [Предания, 1995: 48–49], Омоего на плоте пришел в долину Туймада и стал прародителем народа. Точно так же особой способностью к вчувствованию обладал отец Элляя, указавший сыну путь на север, вкусив аромат земли: «По пути, лежа в суме, старик Татаар Тайма велел сыну дать ему горсть

земли и вкусил ее. Затем он сказал: “Ну, сынок, вот и достигли мы реки, которую я назвал Леной”» [Предания, 1995: 59].

Роль запаха в укреплении статуса Элляя как культурного героя также достаточно выразителен: он укрощает запах, управляя им в своих созидательных целях, собирая, накапливая и приумножая. Элляй, после того как его выгнал Омогой Баай, в местности Киллэм построил урасу, другие надворные постройки и сделал дымокур: «*Түптэ түптэлээн, Туймаада иһинээби Омогой Баай сүөһүтүн олорчу түптэбэ угуйар, Үрүҥ Айыы дьаһалынан үөн түһэн Омогой баайа-сүөһүтэ үөнтэн тэскилээн Эллэй түптэтигэр мунньустар буолар*» (К дымокуру Элляя прибежал весь скот Омогой Бая) [Саха фольклора, 1996: 172]. Запах здесь представляется в качестве первичного маркера освоения пространства: он играет исключительную роль в установлении границ и основ национальной картины мира (буквально в заложении первого двора-тиэргэн в долине Туймада). В другом варианте предания говорится: «*Ол олорон Эллэй үөһээни Үрүҥ Айыыларга үнэр, сүктэр, оһон үөһэттэн, кини алгыһынан биир сайын – тигээччи, бырдах, күлүмэн диэн алыс түһэн Омогой сүөһүтүн барытын Эллэй түптэтин диэки кыйдыыр, чөмөхтүүр*» (Однажды Элляй обращается с молитвой-поклонами к небесным светлым духам, по его заклинанию в одно лето спустились они сверху очень много всякого гнуса и слепней, поэтому весь скот Омогой потянулся в сторону дымокура Элляя, собираясь вокруг него) (курсив наш – С.Н.) [Предания, 1995: 51–52]. Способность «накапливать» и «спланивать» является, как известно, важнейшим даром первопредков Омогой, Элляя, их потомков, родоначальников якутского народа Мунньана Дархана и Тыгын Дархана, которые сумели сформировать на далекой северной земле единый якутский народ.

Понятие запаха в якутской культуре создает ассоциативные ряды, близкие семантически к концепту «жизнь». К примеру, в текстах якутских сказок часто используется устойчивая формула: «*Оһонньордоох эмээхсин бур-бур буруо таһааран олоһбуттара эбитэ үһү*» (досл. Скажут, что, пуская дым, жили-были старик со старухой). Едкий запах печного дыма в суровом северном климате обозначал теплый очаг,

вкусную еду, безопасную жизнь. Запах дыма мог служить сигналом о близком нахождении теплого крова и радушных хозяев, становящихся спасением для одинокого запоздалого путника в длинной и трудной дороге. Дым, тянущийся из трубы якутской юрты, также был знаком того, что люди живы и благоприятно переживают тяжелую зиму.

Аналогичным смыслом наполнена легенда о том, что некогда дым от юкагирских костров был настолько густым, что от него покрывались копотью перья пролетающих над ними птиц. То есть густой дым становится маркером былой мощи некогда многочисленного юкагирского народа.

Нужно отметить актуализацию значения запаха в ирреальной сфере жизни народа – запах воспринимался не только как сигнал присутствия человека в срединном профанном мире, но и был его связью с сакральным миром. В ритуально-обрядовых действиях (при обращениях к богам Айыы, жертвоприношениях различным духам, дарах духам леса, огня, воды) особое внимание уделяется процессу воссоздания запаха (*сыт таһаары*). В статье М.М. Содномпиловой, в которой отмечается важная роль запаха в традиции тюрко-монгольских народов Внутренней Азии, указывается широкое использование в ритуальной сфере трав можжевельника, чабреца, богородской травы, обусловленное в первую очередь их сакральными свойствами.

Якуты убеждены, что запах обладает свойством очищения от скверны, защищает от злых духов, укрепляет в человеке силу созидания. В якутском обряде арчыланы (обряд изгнания злых духов) большое значение придается созданию запаха посредством зажжения трав (можжевельника, чабреца, бересты) или лучинок из дерева, в которое некогда ударила молния. Запах также воссоздается посредством окропления огня кумысом и добавления пучка конских волос. Приготовление оладий, зажжение благовонных трав имеет семантику очищения: якуты верят, что запах доходит до богов Айыы, тем самым задабривая их. К примеру, путник, остановившийся на горном перевале, тракте (артык), обязательно должен задобрить духов, прося их, чтобы они благоволили его дальнейшему пути. Здесь он обычно оставлял щепотку чая

или табака. Можно предположить, что чай или табак, оставленные человеком, важны, скорее всего, их ольфакторным составляющим: дефицитные в далекую пору, они были ценным и желанным товаром, и потому их аромат был особо приятен для якутского человека.

Запах как маркер «своего» и «чужого»

Так как обонятельная функция играет важную роль в утверждении первобытного инстинкта самосохранения во всем животном мире, где запах являлся одним из основных способов жизнеобеспечения, обонятельные ощущения также имеют не меньшее значение в пространственном мироощущении, идентификации человека в окружающей среде. Одной из важнейших функций ольфактория является его включение в культурное деление мира на безопасный (свой) и опасный (чужой).

Являясь специфическим маркером в межвидовой коммуникации, способность к вчувствованию запахов и ароматов участвует в делении на «своих» и «чужих». Странные, неприятные запахи становятся признаками «чужих» и в современном мире. Этим обстоятельством обусловлена нейтрализация человеком собственного запаха, его тяготение к «нулевому» запаху или использование ароматов, приемлемых в обществе. В желании человека избавиться от запаха с целью стать своим, «без запаха» можно частично усмотреть отрыв от природного начала и отстранение от инстинктов животного мира.

Языковой аспект поэтики запахов отражает интересные стороны социопсихических и культурных функций запаха в жизнедеятельности якутского человека. Неприятные запахи обозначаются понятиями *дьаар* (гнилостный запах, вонь, смрад, зловоние) и *холонгсо* (резкий запах). Как указывают фольклорные источники, запах *дьаар* имеют злые духи-абаасы.

Ол дойду үтүөлэрэ

Үөрбүт саналара

Үөлэстэрин үүтүнэн

Аллараа дойдуттан

Айдааран ааста,

Ыылаах ынырык сыт

Ыгыта биэрэн табыста, хомуһуннаах холонгсо

Холлобостоох уот курдук

Өһөх хара төлөн буолан

Өрө оргуйан табыста [Дьулуруйар Ньургун Боотур, 2003: 145]

(Услыхали зычный голос его / Жители подземной страны – / Адьарай-абаасы; / От радости рукоплескали они, / Орали, плясали они; / Через дымоходы железных жилищ / Слышен был их говор и шум; / И, вместе с невнятным говором их, / Ужасающее зловонье, клубясь, / Подымалось черным дымом из труб, / Трупным духом все наполняя окрест) [Ньургун Боотур Стремительный, 1982: 110].

Приближение дьявольского рода абаасы в повести «Улуу Кудангса» П.А. Ойунского описывается так: «*Собуруу суоду маҕан халлаан анныттан кэнсик-мунсук сыттар сабыта охсон түстүлэр – күн киэһэрэн истэбин аайы сытсымар ордук ыараабыт, дьиз-уот, сэп-сэбиргэл ордук күлүгүрэн барыйбыт*» (Со стороны южного неба донесли неприятные запахи – по мере того как вечерело, запахи сгустились, в доме стало темно) [Ойунский, 1993: 36].

Довольно интересно актуализируется понятие плохого запаха (*кусаҕан сыт, ыы, дьаар*) в аспекте военно-эпического дискурса, отраженного в якутских военных ритуалах и обычаях, в перебранках богатырей перед схваткой, песнях кровопролития (илбис ырыата), проклятиях, адресованных врагу и др. В отрывке из олонхо «Кыыс Дэбилейэ» в сюжете о подготовке к схватке между богатырями говорится, что соперники начали насмехаться друг над другом, затеяли ссору и начали сквернословить – говорить зловонные грязные слова:

Бука барыларын ордорбокко,

Ыт иилэн ылбатынан,

Ыы-дьаар тылынан

Ыыстаан ыһаара,

Үгүс-элбэх

Үөн-кулдьаҕа тылынан

Үнтү үөбэ [Тойон Дьаҕарыма, 1959: 164].

(всех до единого начал поносить грязными смрадными словами) (пер. наш – С.Н.).

Запах живого и запах мертвого в качестве маркеров выявления «своего» и «чужого» становится определяющим в идентификации границ своего Я. Вслед за В.Я. Проппом, который говорил об амбивалентном характере запаха в волшебной сказке, Г.И. Кабакова связывает свойство запаха «с характеристиками своего и чужого, противопоставлением жизни и смерти, с праведностью и греховностью» [Кабакова, 1999: 266].

Особое значение запаха у народа саха отмечается Р.И. Бравиной, которой указана роль запаха в ритуальной жизни, а точнее в культе смерти народа саха. «Так, родственникам умершего запрещалось до наступления новолуния прикасаться к охотничьим и рыболовным снастям и ходить на промысел. Если «нечистый» придет, например, на топь, то улов рыбы будет плохим. Дух озера или реки сразу почувствует запах мертвечины, рассердится и не даст рыбы» [Браваина, 2005: 181].

Плохой запах (*дьаар, холонго*) представляется в качестве качественной ольфакторной информации и в современном обществе, выступая признаком инаковости, отличающим человека другого социального круга. Неприятный запах отличает человека асоциального поведения (к примеру, алкоголика) или по каким-то качествам и признакам выпадающего из общественных представлений о норме (неряху, больного и т. д.). Чужесть определяется также физиологической особенностью человека, его странным запахом (например, холонго), выделяя человека иной национальности. Якут считает, что он сам не имеет запаха, отмечая в то же время наличие резкого запаха у людей другой национальности.

Неприятный человеку запах, относящийся также к неуютному пространству (с сыростью, плесенью) или характеризующий невкусную испорченную еду, семантически определяется лексемами *анкылый* (резко обдавать, охватывать), *сытый* (гнить, портиться), *никсий* (протухать, портиться, плесневеть) и пр.

Человек из другого социального круга имеет иные одористические признаки. Это, например, аромат духов, мыла, пудры (*сыттардаах мыыланан сырайын сырдатынна, сыаналаах сытынан ыһынна, дукуулара тунуйда*) и др., упоминаемые в стихотворениях «Городская девушка» (1916), «Городские девушки» (1921) А.Е. Кулаковского–Өксөкүлээх Өлөксөй.

И здесь можно отметить, что контраст между сельским (аласным) и городским топосами довольно отчетливо прослеживается в аспекте рассмотрения проблемы запаха. Город как топос, аккумулирующий в единое целое множество объектов, связанных с механизированным, искусственным миром, ассоциируется в большинстве случаев с такими ольфакторными универса-

лиями (обычно негативного характера), как «духота», «смад»: это запах нечистот, грязи, немытых улиц, подъездов, копоты, пыли, запах еды, табачного дыма и др. [Деханова, 2020: 68–90].

В противоположность неприятным запахам города ольфакторная составляющая, характерная для пространства, близкого людям саха, отличается приятным спектром запаха, связанным с положительным состоянием человека на физиологическом и эмоциональном уровнях, и выражается с помощью понятий *дыргыл* ('резкий'), *минньигэс* ('сладкий'): это запах свежескошенной травы (охсуллубут от сыта), запах хвои (*мутукча сыта*), запах напитка кумыс (*кымыс сыта*), запаха оладий (*алаады сыта*), запах дымокура (*тюттэ сыта, кии сыта*), запах ребенка (*обо сыта*) и др. Эта особенность художественной поэтики выделяется в отдельный и самостоятельный аспект ольфакторного дискурса, который является одним из основополагающих в системе аласного текста якутской литературы.

Особенности ольфакторной поэтики в якутских литературных текстах

Особая чувственность к окружающему миру, оставившая свой отпечаток в эпосе олонхо, фольклорных песнопениях-тойук, чабыргах, осуокай и т.д., отражается и в художественной литературе. Так, ольфакторные включения являются особым признаком якутского текста, наиболее полно способствующим раскрытию национальной ментальной картины. Становясь своеобразным культурным кодом в прочтении якутских текстов, они наполняют их оригинальным смысловым содержанием, отражающим уникальный принцип мировосприятия, характерный для национальных культур.

В якутской литературе начала XX в. формируется целостный геопозитический образ Якутии, где совокупность художественных элементов, образует то текстовое единство, через которое проявляются общее культурное пространство и особое ментальное сознание народа. В этой художественной картине мира особая роль отводится запахам.

Так, начиная с лирики первых поэтов А.И. Софронова-Алампа, А.А. Иванова-Кюндэ, Г.В. Баишева-Алтан Сарына, А.Г. Кудрина-Абагинского и др., которые творили в 10–30-е гг. XX в., ольфакторная образность раскрывается в

широкой яркой палитре, отражая красоту природного мира.

Запахи (*сыт-сымар*) сельской местности, аласа, родного түөлбэ наряду с цветовой палитрой күөх создают аутентичный мир ярких образов и концептов. Концепт «күөх» (синевя или зелень) совмещает спектральные обозначения зеленого, голубого и синего полутонов и развертывается в обширный ассоциативный ряд национальной цветовой колористики: мутукча күөх (зелень хвои), унаар күөх буруо (синий дым), күөх халлаан (голубое небо), күөх хонуу (зеленая долина), сирэм күөх (зеленое раздолье), торбо күөх (яркая зелень), унаарар күөх кыраайым (цветущий край), долгун күөбэ (синяя волна), күөх урсун (синяя гладь неба или воды) и др. Данный концепт, дополняясь одористическими характеристиками *сыт-сымар*, *дыргыл*, отражает базисные образы якутского мира – лес, тайгу, растительный покров, водные просторы, небо, воздух и т.п., а также выражает важные в аксиологическом спектре понятия: быть свободным (күөххэ көччүй – досл. ‘резвиться на зеленой траве’; күөххэ көт – досл. ‘лететь в синее небо’), быть живым и здоровым (күөххэ үктэн – досл. ‘ступить на зеленую траву’) и др.

В произведениях А.Г. Кудрина–Абагинского и А.А. Иванова–Кюндэ наряду с визуальной образностью күөх ольфакторные впечатления лирического героя создают яркие образные ассоциации: запах, дыхание, благоухание родной природы становятся для человека источником ярких чувств и впечатлений о родном крае, отеческом доме и пр.

Запахи растительности (трав, цветов, воды, земли, смолы и др.), смешиваясь в единый дурманный аромат, отражают красоту окружающего мира и олицетворяют внутреннюю наполненность человека, наблюдающего и восхищающегося этим миром (А.Г. Кудрин–Абагинский «Күөх», «Бу сирэм чэл күөбү», «Күннэ» и др., В.М. Новиков–Кюннюк Уурастыров «Күөрэгэй», «Кэбэ», «Көлүкэчээн» и др., С.Р. Кулачиков–Элэй «Бу күөбү», «Сааскы», «Долгуннаах өрүскэ» и др., П.Я. Туласынов «Халлаан сырдыта», «Сибэкки», «Ый», «Ыйдана» и др.)

Запахи, создаваемые человеком, *ыаммытынан үүт сыта* (запах парного молока), *охсуллубут от сыта* (запах свежескошенной травы),

кии сыта (запах дымокура), становятся духовной атрибутикой, выражающей специфику национальной картины мира, особенности практически-деятельностной, духовно-культурной жизни якутского человека.

Дискурс ольфакции раскрывается в лирике А.А. Иванова–Кюндэ (1898–1934) в двух аспектах – это запах природного естественного мира и ольфакторные характеристики культурного пространства, создаваемого человеком, которые, соединяясь воедино, участвуют в формировании особой гармоничной среды человека саха:

Ибир-сабыр тыаллаах,
Ичигэс салгынна
Кии сыта
Киһи сүрэжин-быарын
Хаба ортотунан
Халыйан киирэр...
Итиллибит
Ийэ киин дойдум
Сымнаҕас, сылаас,
Сыламнатар сыта-сымара
Испэр-быарбар
Таайан киирэрин
аптыбын ээ, атастаар!
(«Кии сыта»)

(В теплый чуть ветреный день запах дымокура дошел дурмана прямо в сердце, печень. Как же люблю я, братцы, мягкий, теплый, обволакивающий запах родного края.)

Понятие запаха как явления физического мира, отображаясь через обонятельный опыт человека, дополняется новой смысловой нагрузкой. Так, обонятельный сегмент в поэзии Кюндэ, расширяясь, создает ассоциативный ряд тактильной образности – *сымнаҕас* (мягкий), *сылаас* (теплый), *сыламнатар* (согревающий), который включается в структурирование ментального ландшафта – в выстраивание границ своего безопасного мира:

....Ыанньык ынах, сылгы
Ыаммытынан үүтүн
Сып-сылаас бэйэлээх
Сыта-сымара... [Иванов–Кюндэ, 2000: 31]

(досл. теплый запах парного коровьего и кобыльего молока)

...Сыһыларым барахсан
Сылаас үүт сыта
Сыттаммыт... [Кюндэ, 2000: 32]

(досл. родные поля наполнились запахом теплого молока)

Как видно из примеров, яркой образностью в картине мира саха наделяется үүт ас, үрүҥ ас (молочная продукция), запах которой создает глубокие ассоциации в лирике А. Иванова–Кюндэ с понятиями дома, материнства, любви, детства, безопасности, родины и др. [Самсонова, 2004].

Бүрүллүбүт үүт курдук

Бүтэй манан халлаан

Сымала наадал

Сыттарынан

Ыыс-быдаан буола

Ыһаарыллан турар.

(Подобное простокваше белое небо раскалилось и наполнилось густым смолянисто-ладаным запахом).

Ольфакторные составляющие в образах *мутукча сыта* (запах хвои), *от сыта* (запах травы), *күөл сыта* (запах озерной воды), *мас сымалатын сыта* (запах смолы), *баҕа батаһын сыта* (запах ириса) активно участвуют в создании картины якутского мира, в котором запах есть признак цветущей жизни, безупречного мира, обозначаемых лексемой *дыргыйар* (благоухать). Эта духовная наполненность человека, его способность ценить красоту окружающего мира и радоваться ему пьянит, сводит с ума, радует, одухотворяет, наполняет героя:

Тунаархай манан халлааным

Мэийибин

Туймаардар

Минньигэс сыттааҕа...

Ичигэс салгыным,

Илигирии түһэн,

Испин-быарбын

Ититэн

Итирбитим...

Иирбитим...

(Белое небо имело сладкий дурмящий запах, из-за теплого воздуха, попавшего прямо в сердце, потеплело внутри, опьянел, потерял рассудок.)

Күндү таас курдук

Күннэ кылабачыйар

Сыттаах-сымардаах

Сымалата ууллан,

Ньулуун тыһынан

Ньуссуну ньулбаардар,

Сөрүүн салгынанан

Сүрэҕи сөрүүргэтэр...

(Ароматная смола, сверкающая на солнце словно драгоценный камень, растаяла, ее освежающий запах запал мне в сердце.)

Сүрдээх үчүгэй ньулуун,

Сөрүүн салгыны

Сүүйэн истим,

Утаҕым ханна...

(Прохладным пресным приятным воздухом наполнился)

Мотив пьянящего запаха природы, дурмящего и восхищающего одновременно, отражен также в произведениях «Сайынны түүн дьалыннара» («Истомы»), «Этиннээх ардах» («Гроза») одного из ярких представителей национальной интеллигенции Г.В. Байшева–Алтан Сарына (1898-19?). Поэтический мир Алтан Сарына наполнен густыми, смолистыми запахами, в определении которых поэт использует как простые определения *сытыы минньигэс* (остро-сладкий), *аһыы ньулуун* (остро-пресный), так и сложные высокохудожественные эпитеты *айаал-анкылас* (нежно-ароматный), *сытыы абыран* (удушливый), *сүүл дьаралбан* (запах, исходящий во время полового возбуждения у животных), *анкылас абыран* (ароматно-удушливый), *курус* (едкий)-*кубулбан* (острый), *имириин* (сладко-пресный) и др., которые введены в художественную ткань произведений самим автором-новатором, поэтом-экспериментатором. Как видно из произведения «Истомы», функционирование инстинктов, направленных на воспроизведение жизни, напрямую связано с действием одористических раздражителей, запахов и ароматов Матери Природы. Запах в поэтике Алтан Сарына становится показателем величия и мощи окружающей природы.

Тема запаха выделяется в самостоятельный смысловой образ в произведениях первых якутских поэтов и выражает идею гармонии человека с природой. Функции запаха расширяют пространство повседневности до доминантных значений и становятся основополагающими в культурном поле аксиологических понятий народа саха, дополняя ассоциативные образы о счастливом детстве, родном доме, близких людях и др. Запах родного человека (молока матери, детской щеки, волос любимой женщины и др.) в качестве глубокого художественного образа

участвует в воссоздании высокой эмоциональной связи между людьми, что ярко отражается в лирических произведениях поэтов последующего поколения В.М. Новикова–Кюннюк Урастырова, И.М. Гоголева, С.П. Данилова, Л.А. Попова, М.Д. Ефимова и др.

IV. Обсуждение. Хотя на сегодняшний день в национальном литературоведении принципы исследования ольфакторной поэтики недостаточно разработаны, на перспективность методологического подхода по данной научной проблеме указывает все более расширяющийся интерес специалистов к теме национальной картины мира в рамках социологических, философских, этнографических исследований в мировой науке XXI в. В пределах данной статьи по отношению к якутскому тексту впервые в якутском литературоведении использованы научные представления об ольфакторной поэтике, которая, как показал анализ, имеет ключевое значение в структурировании картины якутского мира. Выявлена типология художественных элементов национального ольфактория, состоящая из следующих уровней: ольфакции животного-природного пространства, запахов культурно-бытового мира, физиологических ольфакций, запахов ирреальной сферы. В целом, на наш взгляд, поставленные задачи в рамках данной статьи выполнены, однако несформированность понятийного арсенала по теме доставляет некоторые трудности в решении исследовательских задач по данной проблеме.

Результаты, полученные в конце научных изысканий, послужат в решении проблемы изучения геопэтики аласного пространства в якутской литературе. Понятие ольфакторной образности, использованное в рамках данной статьи, возможно, найдет применение в научных изысканиях, касающихся проблемы якутской художественной образности, национального менталитета в лингвокультурологии, литературоведении, художественной антропологии и т.д.

V. Заключение. Семантике запаха в якутской культуре уделяется достаточно глубокое значение, что подтверждается активным функционированием запаха в духовной и материальной культуре саха. Запах представляется в качестве культурного феномена, который имеет исключительную роль в формировании основ национальной картины мира и закреплении в ней

ментальных границ человека, что ярко отражается в фольклорных, литературных текстах и этнографическом материале.

Специфика якутского ольфактория обусловлена особенностями национального мировосприятия, характером жизни скотоводческого народа, ведущего свой быт в суровых северных условиях. Запах является одним из основных способов жизнеобеспечения человека саха, который посредством окультуривания запаха отмечал границы освоенного пространства (эйгэ, түөлбө). Поэтому одной из важнейших функций якутского ольфактория является его включение в культурное разделение мира на безопасный (свой) и опасный (чужой).

Можно заключить, что посредством понятия запаха создается широкий ассоциативный ряд концептов «түптэ сыта» ‘запах дымокура’, «мутукча сыта» ‘запах хвои’, «алаадьы сыта» ‘запах оладий’ и др., которые становятся отражением основных параметров национальной образности и принципов мировосприятия.

Идиллическая картина аласа/села в произведениях первых якутских поэтов отражает особый гармоничный мир, одухотворенный космос народа, и в нем важнейшая функция отводится запаху, определяющему границы освоенного культурного пространства. Запах как яркий показатель вовлеченности в мир выражает новую ступень перехода художественного сознания в якутской художественной литературе: субъективное тонкое ощущение многообразно чувственно являющегося мира как специфики национального мировосприятия активно проявилось в одористической поэтике якутской литературы начала XX века.

В произведениях первых якутских поэтов А.И. Софронова–Алампа, А.А. Иванова–Кюндэ, И.Д. Винокурова–Чагылгана, А.Г. Кудрина–Абагинского, В.М. Новикова–Кюннюк Урастырова и др., творивших в 20–40-е гг. XX столетия художественно-эстетическая модель поэтики села / аласа базируется на глубинном восприятии образа родной земли, родного аласа, где ольфакторная коммуникация является одним из основополагающих средств в рецепции мира. Поэтому можно отметить, что поэтика запаха в якутской литературе выделяется в самодостаточный и специфический аспект художественного текста, исследование которого имеет дальнейшие перспективы в современной якутской науке.

Список литературы:

Бралина Р.И. Концепция жизни и смерти в культуре этноса на материале традиций саха. Новосибирск: Наука, 2005. 307 с.

Деханова О.А. Отражение ольфакторной культуры XIX в. в произведениях Ф.М. Достоевского. Запах города на примере романа «Преступление и наказание» // Достоевский и мир культуры. Филологический журнал. 2020. С. 68–90.

Дьулуруйар Ньургун Боотур. Якутск: Бичик, 2003. 552 с.

Епанешникова М.А. Рецепция запаха и его природно-культурный смысл // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2010. № 14. С. 101–104.

Зыховская Н.Л. Ольфакторий отечественной словесности: методологические основания, закономерности и перспективы исследования // Вестник Челябинского государственного университета. Филологические науки. 2016. № 1 (383). Вып. 99. С. 68–72.

Иванов А.А.–Күндэ. Кыыһар тунат сырдыга. Якутск: Бичик, 2000. 336 с.

Кабакова Г.И. Запах // Славянские древности. М., 1999. Т. 2. С. 266–269.

Ньургун Боотур Стремительный. Якутск: Як. книж.изд-во, 1982. 438 с.

Предания, легенды и мифы саха (якутов). Новосибирск: Наука, 1995. 400 с.

Самсонова Т.П. Художественный мир А.А. Иванова–Күндэ. Якутск: Изд-во СО РАН, Якут. фил., 2004. 176 с.

Содномпилова М.М. Мир запахов и ольфакторная коммуникация в традиции тюрко-монгольских народов Внутренней Азии // Известия Иркутского государственного университета. Серия Геоархеология. Этнология. Антропология. 2020. Т.32. С. 37–47.

Ойунский П.А. Талыллыбыт айымнылар. Якутск: Бичик, 1993. 448 с.

Саха фольклора. Новосибирск: Наука, 1996. 236 с.

Тойон Дьаҕарыма. Якутск: Як. книжн. изд-во, 1959. 340 с.

References:

Bravina R.I. *Koncepciya zhizni i smerti v kul'ture etnosa na materiale traditsij saha* [The concept of life and death in the culture of an ethnic group based on the Sakha traditions]. Novosibirsk: Science Publ., 2005. 307 p. (In Russian)

Dekhanova O.A. *Otrazhenie ol'faktornoj kul'tury XIX v.v proizvedeniyah F.M. Dostoevskogo. Zapah goroda na primere romana "Prestuplenie i nakazanie"*

[Reflection of the olfactory culture of the XIXth century in the works of F.M. Dostoevsky. The smell of the city on the example of the novel "Crime and Punishment"]. *Dostoevskij i mir kul'tury. Filologicheskij zhurnal* [Dostoevsky and the world of culture. Philological journal]. 2020. Pp. 68–90. (In Russian)

D'ulurujar N'urgun Bootur [Nyurgun Bootur Swift]. Yakutsk: Bichik Publ., 2003. 552 p. (In Yakut)

Zyhevskaya N.L. *Ol'faktoriy otechestvennoj slovesnosti: metodologicheskie osnovaniya, zakonomernosti i perspektivy issledovaniya* [Olfactory of Russian Literature: methodological foundations, patterns and prospects of research]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologicheskie nauki* [Bulletin of Chelyabinsk State University. Philological sciences]. 2016. № 1 (383). Release 99. Pp. 68–72. (In Russian)

Epaneshnikova M.A. *Recepciya zapaha i ego prirodno-kul'turnyj smysl* [Reception of smell and its natural and cultural meaning]. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the South Ural State University]. Series: Social and Humanitarian Sciences 2010. № 14. Pp. 101–104. (In Russian)

Ivanov A.A.–Kyunde. *Kyyhar turat syrдыga* [The light of the morning dawn]. Yakutsk: Bichik Publ., 2000. 336 p. (In Yakut)

Kabakova G.I. *Zapah* [The smell]. *Slavyanskije drevnosti* [Slavic antiquities]. Volume 2. Moscow, 1999. Pp. 266–269. (In Russian)

N'urgun Bootur Stremitel'nyj [Nyurgun Bootur Swift]. Yakutsk: Yakut. Publ., 1982. 438 p. (In Russian)

Ojunsij P.A. *Talylybyt ajymn'ylar* [Selected writings]. Yakutsk: Bichik Publ., 1993. 448 p. (In Yakut)

Predaniya, legendy i mify saha (yakutov) [Legends, legends and myths of the Sakha (Yakuts)]. Novosibirsk: Science Publ., 1995. 400 p. (In Russian)

Samsonova T.P. *Hudozhestvennyj mir A.A. Ivanova-Kyunde* [The artistic world of A.A. Ivanov-Kunde.]. Yakutsk: Publ. of SB RAS, Yakut. phil., 2004. 176 p. (In Russian)

Saha fol'klora [Yakut folklore]. Novosibirsk: Science Publ., 1996. 236 p. (In Yakut)

Sodnompilova M.M. *Mir zapahov i ol'faktornaya kommunikaciya v tradicii tyurko-mongol'skih narodov Vnutrennej Azii* [The world of smells and olfactory communication in the tradition of the Turkic-Mongolian peoples of Inner Asia]. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Geoarkheologiya. Etnologiya. Antropologiya* [Irkutsk State University Bulletin. Series Geoarcheology. Ethnology. Anthropology]. 2020. Volume 32. Pp. 37–47. (In Russian)

Tojon D'agaryma. Yakutsk: Yak. Publ., 1959. 340 p. (In Yakut)

S.E. Noeva (Karmanova)

Features of Olfactory Communication in the Yakut Text

Scientific novelty: for the first time, as a statement of a scientific problem an attempt is made to comprehensively study olfactory imagery in Yakut texts (on the example of folklore, ethnographic materials, poetic texts by A.A. Ivanov-Kunde). *The aim* of the article is to study the specifics of olfactory communicative imagery in Yakut texts. The scope of the research *tasks* include identifying the specifics of the cultural phenomenon of smell in Yakut texts, determining the functions of smell in the mental landscape of Sakha, as well as revealing the features of olfactory poetics by the example of the works of A.A. Ivanov-Kunde and G.V. Baishev-Altan Saryn. *Research methods:* comparative, cultural-historical, systematic methods. *Results.* The researcher's interest is directed, first of all, to the practice of cultivating the smell, which is considered as one of the main ways of personal identification, fixing the status of a person in space. The author of the article is convinced that the smell is used as essential techniques in building the boundaries of the world – namely, in dividing space into “one's own” and “someone else's”. Special attention is paid to the poetics of smells represented by olfactory inclusions in the poetry of the first Yakut poet A.A. Ivanov-Kyunde whose lyrics reflect the specifics of the national picture of the world, including the place and role of smell in the alas text.

Keywords: physicality, olfaction, worldview, smell, identification, Yakut text